

УДК 159.9.018.(923. 3)

**РАЗРАБОТКА И СТАНДАРТИЗАЦИЯ ОПРОСНИКА
«ТИП РОЛЕВОЙ ВИКТИМНОСТИ»**

© М. А. ОДИНЦОВА*, Н. П. РАДЧИКОВА**

* Университет Российской Академии Образования,
кафедра социальной психологии
e-mail: Mari505@mail.ru** Белорусский Государственный педагогический университет им. М. Танка,
кафедра методологии и методов психологических исследований
e-mail: radchikova@yahoo.com

Одинцова М. А., Радчикова Н. П. – Разработка и стандартизация опросника «Тип ролевой виктимности» // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 1303–1310. – В статье описаны этапы разработки и стандартизации опросника «Тип ролевой виктимности». На основании теоретического анализа научных работ, определено основное понятие: ролевая виктимность. Разработаны ключевые характеристики основных ролей жертвы: игровая роль жертвы, социальная роль жертвы, позиция жертвы, статус жертвы. Описан процесс работы над содержательной валидностью опросника. Осуществлена проверка критериальной, конструктивной, конвергентной валидности и надежности опросника.

Ключевые слова: ролевая виктимность, надежность, валидность.

Odintsova M. A., Radchikova N. P. – The development and standardization of the questionnaire «The type of role victimization» // Izv. Penz. gos. pedagog. univ. im. i V. G. Belinskogo. 2012. № 28. P. 1303–1310. – In the article the stages of «The Type of Role Victimization» questionnaire development are described. The types of role victimization and the basic concept role victimization are determined based on the theoretical analysis of literature. The key characteristics of main victim roles are developed: victim acting role and victim social role. The process of questionnaire content validity testing is described. The verification of questionnaire criterion, conceptual and convergent validity as well as reliability verification is carried out.

Keywords: role victimization, reliability, validity.

В настоящее время наблюдается усиление внимания психологов к проблеме жертвы, которая еще недавно была источником интереса преимущественно криминологии, философии, и социологии. О необходимости психологизации проблемы виктимности (от лат. *victima* жертва) пишут ученые уже на протяжении ста лет, начиная с работ Э. Крепелина (1900), К. Ясперса (1913), К. Юнга (1914), А. Адлера (1926), И. Павлова (1916), Л. С. Выготского (1924) и др. [1, 6, 10, 17, 25, 26]. На это указывают и современные исследователи, сталкивающиеся с невозможностью разрешения проблемы виктимности исключительно через анализ внешних причин виктимизации (А. В. Мудрик, 2000; В. Д. Ривман, 2002; Е. В. Руденский, 2001; и др.) [14, 15, 19, 20]. Тем не менее, сегодня все исследования виктимности в основном проводятся на материале уголовных дел. На основе комплексного судебно-психологического анализа и судебно-психологической и психиатрической экспертизы, изучаются особенности потенциальных жертв преступлений

(Д. В. Ривман, и др.) [19]. В социологических исследованиях проблем виктимности широко используются опросы общественного мнения, опросы экспертов на основании социологических анкет, интервью, анализа и интерпретации материалов, опубликованных в средствах массовой информации, анализа документов, и проч. (Г. И. Козырев, и др.) [8]. В современной отечественной психологии обнаружены исследования, характеризующие те или иные стороны виктимной личности. Так, изучается выученная беспомощность как неспособность к активным действиям в трудных жизненных ситуациях (Д. А. Циринг; и др.) [24] с использованием наблюдения, интервью, и др. Создан и апробирован опросник выраженности инфантилизма (А. А. Серегина, 2006) [21]; и многое другое. Следует отметить, что в настоящий момент в отечественной психологии наблюдается лавинообразный интерес к созданию диагностического инструментария по выявлению тех или иных особенностей личности и поведения, однако вопросы диагностики психологической

виктимности остаются не до конца разработанными. В научной литературе обнаружена единственная методика, позволяющая исследовать склонность к виктимному поведению О. О. Андронниковой (2003) [2]. Автор справедливо подмечает основные характеристики виктимной личности, на основании которых формируются соответствующие шкалы опросника. Данная методика предназначена для диагностики потенциальной виктимности, проявляющейся в агрессии, аутоагрессии, гиперсоциальности, зависимости, не критичности, реализованной виктимности, в результате чего повышается вероятность превращения лица в жертву преступления, обстоятельств или несчастного случая [2]. Криминальные и экстремальные особенности среды действительно могут быть индикаторами виктимности (предрасположенности человека становиться жертвой по А. В. Мудрику, 2000)[14]. Однако виктимность может носить и латентный характер, проявляться в повседневной жизни. Процессу реализации виктимности, по мнению специалистов, может способствовать «неправильное воспитание» (А. Адлер, Л. С. Выготский, И. Павлов, К. Юнг, и др.) [1, 6, 17, 25]; или «неблагоприятное влияние законодательства» (Э. Крепелин, К. Ясперс) [10, 26]; необоснованная помощь и поддержка незащищенных, ущемленных в своих правах, неизлечимо больных, и др. категорий граждан (Р. Конечный, М. Боухал; и др.) [9]. Социальные манипуляции и намеренное конструирование жертвы для разрешения различного рода конфликтов во взаимоотношениях сторон (Г. И. Козырев, 2008) [8], становится взаимовыгодным, намеренным процессом поддержания латентной виктимности.

Таким образом, теоретическое исследование трудов вышеперечисленных авторов, а также работ Э. Берна, Ю. П. Платонова, В. И. Слободчикова, Е. И. Исаева [3, 18, 22], и других, позволяют конкретизировать вопрос о психологизации феномена виктимности и ролевой виктимности. **Ролевая виктимность** – это предрасположенность индивида в силу неблагоприятных объективных и специфических субъективных факторов продуцировать тот или иной тип поведения жертвы, выражающийся в позиции либо статусе жертвы, а также в их динамическом воплощении: социальной или игровой роли жертвы. Ролевая виктимность выступает как особое, динамическое сочетание игровых и социальных ролей, в основе которых лежат рентные установки. Рентная установка в нашем понимании – это особое состояние готовности к специфической реакции получения выгоды (материальной либо моральной) из своего неблагоприятного положения, возникающее на фоне необоснованной помощи и поддержки со стороны микро- и макроокружения, и оказывающее деформирующее влияние на личность и все ее поведение. Специфика проявления рентных установок в поведении индивида выражается в утилитарном подходе к своему бедственному положению; в настойчивых требованиях компенсаций; в ощущении себя особенно пострадавшим и беспомощным; в фокусировании психической активности на страдании; в иждивенческих тенденциях и парази-

тических взглядах; в инфантилизме; беспомощности, пассивности; и т. п.

Игровая роль жертвы – это единица анализа свободных, ситуативных, взаимовыгодных, и легко принимаемых членами межличностного взаимодействия ролевых отношений, согласующихся с внутренними особенностями психологически виктимного индивида (демонстративность, инфантильность, манипулятивность, и др.), имеющих в своей основе скрытую мотивацию, и гармонично вписывающихся в проигрываемую ситуацию. Игровая роль через эмоционально-когнитивный процесс идентификации себя с жертвой, приводит к усвоению личностных смыслов последней и вызывает соответствующее поведение. Игровая роль жертвы позволяет человеку использовать внешний ресурс для защиты внутренней проблемы, позволяет манипулировать другими, пытаясь получить поддержку, в которой, по собственным предположениям, индивид нуждается. К основным характеристикам игровой роли жертвы можно отнести инфантилизм, демонстративность, боязнь ответственности, экстернальность, рентные установки, искусство манипулирования. Следует отметить особую пластичность игровой роли жертвы, способствующую хорошей адаптации.

Позиция жертвы – воплощение игровой роли жертвы, стойкое образование, характеризующееся совокупностью закрепившихся рентных установок, которые, с повышением прочности игровой роли, подвергается постепенному разрушению. Все характеристики, свойственные индивидам с игровой ролью жертвы сохраняются, закрепляются, заостряются, приобретают акцентированный, экспрессивный характер. Индивид все чаще демонстрирует свои страдания и несчастья, постоянно жалуется, склонен к обвинениям других, считает, что жизнь к нему несправедлива, и всячески при помощи манипуляций стремится привлечь внимание и помощь от окружающих. Проявляет агрессию, если не получается добиться желаемого.

Социальная роль жертвы – это единица анализа навязанных (предписанных), но ситуативных отношений, способствующих стигматизации индивида, деформирующих возможности построения его жизнедеятельности на ближайшую и отдаленную перспективу. Социальная роль жертвы предполагает любой тип аутсайдерства («козел отпущения», «гадкий утенок», «белая ворона», и др.). Такого индивида не покидает ощущение, что он изгой, окружающий мир кажется ему враждебным, чувствует себя одиноким и ненужным и глубоко страдает по этому поводу. Склонность обвинять в случившемся обстоятельства сочетается с самообвинениями, очень обидчив. Считает других людей более привлекательными, и более успешными, чем он сам. Человек, пребывающий в данной роли, мотивирован на освобождение от разрушительного влияния ярлыка. В отличие от игровой роли жертвы, в социальной роли отсутствует манипулятивный компонент. Кроме этого, такой индивид менее гибок в отношениях с другими людьми, труднее адаптируется в социуме.

Статус жертвы – это воплощение социальной роли жертвы, прочное образование, включающее сово-

купность рентных установок, которые с усилением основных характеристик социальной роли, закрепляются в модели поведения индивида, и способствуют деформации личности и поведения. Статус жертвы создается заранее предписанными нормами, стереотипами и оказывает существенное влияние на весь образ жизни человека. Такой человек считает себя неудачником и обвиняет других в собственных несчастьях. Переживая свою изолированность, привыкает к ней и считает, что одиночество – его судьба. Не уверен, что способен изменить свою жизнь.

Далее, отталкиваясь от описанных нами основных типов жертвы, были выделены две шкалы, характеризующие проявление ролевой виктимности: «игровая роль жертвы» и «социальная роль жертвы», которые с усилением характеристик и закреплением в модели поведения, переходят в «позицию жертвы», либо «статус жертвы». Нами были составлены вопросы, характеризующие степень выраженности психологической виктимности, характерной для той или иной роли жертвы. Вопросы сформулированы предельно просто и понятно для людей с различным уровнем образования.

Содержательная валидность. Для обеспечения содержательной валидности опросника был использован метод независимых экспертных оценок. В роли экспертов выступили практикующие психологи (N=5) со стажем работы от 10 до 20 лет и студенты-психологи выпускного курса (N=21), которым был прочитан спецкурс «Психология жертвы» в количестве 60 часов. На одном из занятий в форме групповой работы со студентами был проведен психологический практикум по составлению психологического портрета того или иного типа жертвы. Проводилось обсуждение представленных типов жертвы, на основании чего экспертами составлялись вопросы, которые, предположительно, могли выявить личностные и поведенческие характеристики тех или иных ролей жертвы и войти в опросник. Опросник изначально состоял из 50 пунктов. Далее, независимым экспертам (N=26) необходимо было оценить степень соответствия того или иного вопроса конкретной шкале по пятибалльной системе оценивания. Выставленные оценки подвергались анализу. Вопросы, получившие в среднем 4 балла и менее (из расчета среднего арифметического), из опросника были удалены. В результате проделанной работы в опроснике осталось 32 пункта, которые наиболее точно отражают содержание каждой шкалы. Для устранения категоричности, неопределенности, двусмысленности, часть вопросов были переформулированы. В итоге, в последний вариант опросника вошло 32 вопроса и 2 шкалы, по 16 пунктов в каждой. Каждый вопрос относится только к одной шкале. При ответах на вопросы испытуемым необходимо дать ответы: «да»; «скорее да, чем нет»; «скорее нет, чем да»; или «нет». За совпадение с ключом насчитываются баллы от 0 до 3 (0 баллов – за ответ «нет»; 1 балл – за ответ «скорее нет, чем да»; 2 балла – за ответ «скорее да, чем нет»; и 3 балла – за ответ «да»). Результаты по шкалам

опросника объединяются в общий показатель ролевой виктимности. Предполагалось, что сумма баллов, набранная испытуемыми, соответствует степени выраженности психологических признаков той или иной роли жертвы (игровой либо социальной). Чем выше сумма баллов, тем выше вероятность перехода «игровой роли жертвы» в «позицию жертвы», а социальной роли в «статус жертвы» и выше степень проявления ролевой виктимности в поведении испытуемого.

Надежность опросника. Две проверки надежности, проведенные на разных выборках испытуемых (N=155 и N=106 соответственно) исследования, показали практически одни и те же результаты.

Для первой выборки (155 человек различных профессиональных предпочтений, пола, возраст которых колебался в пределах от 18 до 63 лет) по первой шкале опросника («игровая роль жертвы») были получены положительные корреляции каждого пункта шкалы с итоговым баллом по шкале, которые варьировали от 0,16 до 0,54 (в среднем по шкале 0,44). Альфа Кронбаха для этой шкалы оказалась равной 0,72, а альфа Гуттмана при расщеплении шкалы на две части 0,73. Для второй шкалы опросника («социальная роль жертвы») также были получены положительные корреляции всех пунктов шкалы с итоговым баллом. Они варьировали от 0,32 до 0,67 (в среднем по шкале 0,53). Альфа Кронбаха для этой шкалы оказалась равной 0,83, а альфа Гуттмана при расщеплении шкалы на две части 0,85. Баллы по обоим шкалам оказались нормально распределены (Критерий Шапиро-Уилка $W=0,99$; $p=0,10$ и $W=0,99$; $p=0,50$ соответственно).

Для второй выборки (106 студентов различных специальностей в возрасте от 17 до 21 года) по первой шкале опросника («игровая роль жертвы») были получены положительные корреляции каждого пункта шкалы с итоговым баллом по шкале, которые варьировали от 0,25 до 0,65 (в среднем 0,47). Альфа Кронбаха для этой шкалы оказалась равной 0,77, а альфа Гуттмана при расщеплении шкалы на две части 0,80. Для второй шкалы опросника («социальная роль жертвы») также были получены положительные корреляции всех пунктов с итоговым баллом. Они варьировали от 0,36 до 0,67 (в среднем 0,51). Альфа Кронбаха для этой шкалы оказалась равной 0,81, а альфа Гуттмана при расщеплении шкалы на две части 0,87. Баллы по шкале «игровая роль жертвы» немного отклонились от нормального распределения (критерий Шапиро-Уилка $W=0,97$; $p=0,01$) а баллы по шкале «социальная роль жертвы» оказались нормально распределены ($W=0,98$; $p=0,11$).

Таким образом, были получены довольно высокие уровни внутренней согласованности вопросов по шкалам опросника и общим баллом ролевой виктимности. Аналогичные результаты, полученные на двух разных выборках, свидетельствуют о надежности опросника. Коэффициенты корреляции между шкалами опросника («игровая роль жертвы» и «социальная роль жертвы»), а также с общим баллом «ролевой виктимности» приведены в табл. 1.

Таблица 1

**Коэффициенты корреляции
между шкалами опросника «Тип ролевой виктимности» и общим показателем**

Шкалы опросника	Социальная роль жертвы	Общий балл ролевой виктимности
Игровая роль жертвы	0,51	0,87
Социальная роль жертвы		0,87

Умеренная связь между шкалами свидетельствует о том, что разные роли жертвы характеризуют сходные проявления ролевой виктимности, которые могут быть объединены общим баллом.

Конструктивная валидность опросника. Для проверки конструктивной валидности опросника «Тип ролевой виктимности» подсчитывались корреляции шкал опросника и его общего балла с опросником выявления склонности к виктимному поведению О. О. Андронниковой (2003) [2]. Процедура конструктивной валидности состояла в установлении как сходства, так и различия исследуемых психологических феноменов, измеряемых созданным опросником, по сравнению с уже существующим. Корреляции между шкалами предлагаемого опросника и аналогичным по конструкту тестом О. О. Андронниковой [2] говорят о том, что разрабатываемый тест «измеряет» примерно ту же личностную особенность. Полученные зависимости позволяют утверждать, что оба опросника направлены на исследование похожих конструктов, но являются разными (табл.2).

Новая методика обладает следующими преимуществами: она довольно краткая, легкая в применении и обработке данных, и выявляет ролевую (социальная и игровая роли жертвы) виктимность. Формально состоящая из двух шкал (игровая роль жертвы, позиция жертвы), данная методика дает возможность выявить тенденцию к фиксации той или иной роли в поведении индивида и переходу ее в позицию жертвы или статус жертвы. Например, чем больше баллов испытуемый набирает по шкале «игровая роль жертвы», тем

выше вероятность ее перехода в позицию жертвы. Чем выше уровень по шкале «социальная роль жертвы» – тем больше вероятность ее перехода в статус жертвы.

Конвергентная валидность. Одной из составляющих конструктивной валидности, является конвергентная валидность, которая определяется наличием прямых и обратных связей типов ролевой виктимности с другими психическими явлениями. Конвергентная валидность проверялась в ходе исследований, проводимых авторами с 2009 по 2011 гг., путем подсчета коэффициентов корреляции опросника «Тип ролевой виктимности» со шкалами уже разработанных психологических опросников. Так, была прослежена взаимосвязь типов ролевой виктимности со шкалами теста «Жизнестойкости» Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой [12], опросника «Смыслжизненных ориентаций» Д. А. Леонтьева [13]; методики «Стратегии преодоления в стрессовых ситуациях» Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой [5]. Выявлялись взаимозависимости между шкалами опросника «Тип ролевой виктимности» и показателями опросника «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» в адаптации Т. Л. Крюковой [11]. Прослеживались зависимости между шкалами предлагаемого опросника со шкалами русскоязычной версии опросника «Проактивное совладающее поведение» Е. С. Старченковой [5]. Результаты показывают, что игровая и социальная роли жертвы, и ролевая виктимность в целом, отрицательно коррелируют со всеми шкалами теста жизнестойкости Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой [12]: вовлеченность, контроль и принятие риска (табл. 3).

Таблица 2

Коэффициенты корреляции Пирсона между шкалами опросника О.О. Андронниковой и методики «Тип ролевой виктимности» (N=120)

Ролевая психологическая виктимность	Склонность к виктимному поведению					
	Агрессия	Аутоагрессия	Гипер-социальность	Зависимость	Некригичность	Реализованная виктимность
Игровая роль жертвы	0,44	0,25		0,41	0,36	0,42
Социальная роль жертвы		0,22		0,39		0,40
Общий балл по ролевой виктимности	0,30	0,28	-0,21	0,41	0,24	0,48

Примечание: приведены только значимые корреляции

Таблица 3

Коэффициенты корреляции Пирсона между шкалами опросника «Тип ролевой виктимности» и теста Жизнестойкости Д. А. Леонтьева Е. И. Рассказовой (N=120)

Шкалы теста Жизнестойкости	Шкалы теста «Тип ролевой виктимности»		
	Игровая роль жертвы	Социальная роль жертвы	Общий уровень ролевой виктимности
Вовлеченность	-0,25	-0,51	-0,57
Контроль	-0,21	-0,38	-0,48
Принятие риска	-0,33	-0,30	-0,33
Общий уровень Жизнестойкости	-0,50	-0,48	-0,55

Примечание: приведены только значимые корреляции

Иными словами, люди с игровой и социальной ролями жертвы чувствуют отверженность, ощущают себя «вне жизни». Они пассивны, им свойственны переживания бессмысленности всего того, чем они занимаются, им не хватает упорства закончить начатые дела, они трудно сближаются с новыми людьми. Люди с выраженной виктимностью не чувствуют сил контролировать ситуации своей жизни, а потому не ставят труднодостижимые цели и не стремятся их реализовать. Психологически виктимные индивиды не уверены в том, что смогут воплотить в жизнь все, что задумали, ощущают себя беспомощными. Зачастую люди с выраженной ролевой виктимностью сожалеют о прошлом и мечтают о спокойной, размеренной жизни, раздражаются по поводу резких перемен.

Были получены умеренные отрицательные корреляционные связи между типами ролевой виктимности и шкалами теста смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева [13] (табл.4).

На основании представленных данных можно сделать вывод о том, что люди с высоким уровнем ролевой виктимности характеризуются отсутствием в жизни осознанных целей, живут сегодняшним или вчерашним днем, и боятся заглядывать в будущее. Процесс своей жизни психологически виктимная личность воспринимает как скучный и бессмысленный. Такие люди не удовлетворены своей самореализацией и прожитой частью жизни. Люди с выраженной ролевой виктимностью не верят в свои силы, и свои способности контролировать события собственной жизни. Чаще

всего – это фаталисты, которые убеждены, что жизнь человека не подвластна сознательному контролю.

Отрицательные корреляционные связи были получены и по шкале «ассертивные действия» методики «Стратегии преодоления в стрессовых ситуациях» Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой [5], шкале «превентивное преодоление» методики «Проактивное совладающее поведение» Е. С. Старченковой [5].

Индивиды с выраженной ролевой виктимностью не способны к действиям по нейтрализации негативных последствий стрессовых событий (шкала «превентивное преодоление»). Были получены положительные корреляционные связи по шкалам «импульсивные действия», «избегание», «непрямые действия», «асоциальные» и «агрессивные действия» методики «Стратегии преодоления в стрессовых ситуациях» [5]. Положительные корреляционные связи прослеживаются и по шкале «копинг, ориентированный на эмоции» методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Т. Л. Крюковой [11]. Это говорит о том, что люди с выраженной ролевой виктимностью негативно оценивают происходящее и не способны к быстрой мобилизации своих ресурсов в стрессовых ситуациях. При столкновении с трудными жизненными ситуациями, они чаще прибегают к манипуляциям с целью привлечь внимание, асоциальным и даже агрессивным действиям. Кроме этого, копинг, ориентированный на эмоции способствует быстрому эмоциональному истощению личности и превращению ее в жертву событий, ситуаций.

Таблица 4

Коэффициенты корреляции Пирсона между шкалами опросника «Тип ролевой виктимности» и теста Смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева (N=133)

Шкалы теста Смысловых ориентаций (СЖО)	Шкалы теста «Тип ролевой виктимности»		
	Игровая роль жертвы	Социальная роль жертвы	Общий уровень ролевой виктимности
Цель	-0,46	-0,37	-0,47
Процесс	-0,44	-0,35	-0,42
Результат	-0,44	-0,41	-0,49
Локус-контроля Я	-0,38	-0,32	-0,42
Локус-контроля Жизнь	-0,40	-0,33	-0,44
Общий уровень СЖО	-0,44	-0,39	-0,49

Примечание: приведены только значимые корреляции

Таблица 5

Коэффициенты корреляции Пирсона между шкалами опросника «Тип ролевой виктимности» и опросниками, выявляющими стратегии преодоления (N=133)

	игровая роль жертвы	социальная роль жертвы	общий уровень ролевой виктимности
Шкалы методики «Стратегии преодоления в стрессовых ситуациях (SACS) Русскоязычная версия Н.Водошняновой, Е.Старченковой			
Ассертивные (активные) действия	-0,35		-0,29
Импульсивные действия	0,27	0,25	0,29
Избегание	0,33	0,36	0,38
Непрямые действия	0,35		0,28
Асоциальные действия	0,26	0,28	0,30
Агрессивные действия	0,39	0,35	0,40
Копинг, ориентированный на эмоции (методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Т.Л. Крюковой)	0,45	0,48	0,50
Превентивное преодоление (методика Е.Старченковой)	-0,24		

Примечание: приведены только значимые корреляции

Дополнительные подтверждения конструктивной валидности опросника были получены в сравнительных исследованиях различных социальных групп подростков, которые предположительно могли различаться степенью проявления виктимности. Так, особую уязвимую группу составляют подростки из неполных и социально незащищенных семей, о чем свидетельствуют научные источники [4, 7, 14, 23]. С учетом указанного обстоятельства, опросник был апробирован на подобных выборках подростков. Одно из таких исследований посвящено изучению виктимности подростков из полных (N=43) и неполных семей (N=34) [16]. Сравнительный анализ по шкале «социальная роль жертвы» опросника «Тип ролевой виктимности» и по итоговому показателю позволил выявить высокую значимость различий в двух рассматриваемых выборках подростков. Как и предполагалось, более высокий уровень ролевой виктимности был обнаружен у подростков из неполных семей.

Второе исследование включало группы подростков из полных (N=71), неполных (N=24) и социально незащищенных семей (N=25). Базой для проведения исследования явились Центры социального обслуживания населения и образовательные учреждения (колледжи) г. Москвы. Проведенный статистический анализ показал, что проявление ролевой виктимности в поведении подростков значимо зависит от типа семьи (полная, неполная, социально незащищенная семья) ($F(2,114)=21,96$; $p=0,000$). Подростки из социально незащищенных семей отличаются высоким уровнем проявления ролевой виктимности по всем шкалам опросника и по итоговому показателю. Несколько ниже показатели у подростков из неполных семей, и самый низкий уровень ролевой виктимности характерен подросткам из полных семей.

Таким образом, следует отметить, что наблюдаются статистически значимые различия в проявлении

ролевой виктимности в целом и отдельных ее компонентов (игровая роль жертвы и социальная роль жертвы) у подростков из различных групп (полная, неполная, социально-незащищенная семья). В группах подростков из неполных и социально-незащищенных семей ролевая виктимность выражена сильнее.

Таким образом, опросник «Тип ролевой виктимности» на эмпирическом уровне эффективно различает группы индивидов, которые, согласно теоретическим предположениям и результатам эмпирических исследований коллег [4, 7, 14, 23], составляет особые виктимные группы.

Стандартизация опросника. На заключительном этапе работы над опросником «Тип ролевой виктимности» проводилась его стандартизация. Традиционно различают два аспекта стандартизации: 1) нормализацию – расчет тестовых норм; 2) приведение к единому стандарту инструкции, бланка, подсчета и интерпретации результатов.

Процедура стандартизации опросника «Тип ролевой виктимности» преследовала цель выработки тестовых норм, которые отображают выполнение теста в выборке стандартизации. С помощью этих норм возможно соотнесение «сырых» баллов конкретного испытуемого с распределением оценок в нормативной выборке. Тем самым нормы ориентируют психолога в распределении переменной в выборке, облегчают сравнения испытуемых по степени выраженности игровой и социальной роли жертвы и ролевой виктимности в целом, делают результаты опросника сопоставимыми с результатами других опросников. В целях стандартизации опросника комплектовалась выборка в количестве 518 человек от 17 до 63 лет (средний возраст 26,3 года), включающая 270 мужчин и 248 женщин, репрезентативность которой обеспечивалась механизмом случайного отбора. В первую очередь рассчитывались средние значения и стандартные отклонения (табл. 6).

Таблица 6

Средние и стандартные отклонения по опроснику «Тип ролевой виктимности» в выборке стандартизации (N=518)

Шкала опросника	Мужчины (N=270)		Женщины (N=248)	
	Среднее	Станд. отклон.	Среднее	Станд. отклон.
Игровая роль жертвы	18,0	8,2	21,8	9,1
Социальная роль жертвы	16,9	7,8	18,9	8,2
Ролевая виктимность (общий балл)	35,1	13,7	40,7	14,2

В качестве стандартной шкалы была избрана шкала станайнов (от англ. *standard nine* – стандартная девятка). Она характеризуется следующими статистическими параметрами: среднее = 5, стандартное отклонение = 2,0; складывается из 9 стандартных единиц (станайнов); значение в интервале 1–3 станайна трактуется как показатель низкой выраженности диагностируемой переменной; в интервале от 4 до 6 станайнов – как показатель ее умеренного уровня; в интервале от 7 до 9 – как показатель высокого уровня выраженности переменной (табл. 7).

Распределение испытуемых (%) по станайнам следующее. Показатели низкого уровня выраженности игровой роли жертвы обнаружены у 24,1 % испытуемых, среднего уровня у 57,7 % испытуемых, высокого – у 18,1 %. По социальной роли жертвы обнаружены показатели ниже среднего уровня у 22 % испытуемых, среднего уровня у 54,6 % испытуемых, и высокого – у 23,4 % испытуемых. Ниже среднего уровня общий показатель ролевой виктимности обнаружен у 24,1 % испытуемых, средний уровень у 53,9 % испытуемых, и высокий – у 22 % испытуемых.

Таблица 7

Результаты стандартизации опросника «Тип ролевой виктимности» (N=518)

Станайн	Игровая роль жертвы	Социальная роль жертвы	Общий балл – ролевая виктимность	Характеристика результата
1	0-4	0-3	0-12	Очень низкий
2	5-8	4-7	13-20	Низкий
3	9-13	8-11	21-27	Ниже среднего
4	14-17	12-15	28-34	Средний
5	18-22	16-19	35-41	Средний
6	23-26	20-23	42-48	Средний
7	27-30	24-27	49-55	Выше среднего
8	31-35	28-31	56-62	Высокий
9	35 и более	32 и более	63 и более	Очень высокий

Далее, следовало *приведение к единому стандарту* инструкции, бланка опросника, описывалось его назначение.

Опросник «Тип ролевой виктимности» предназначен для обследования психически здоровых людей в возрасте от 14 лет независимо от уровня образования и профессиональных предпочтений. Испытуемому предъявляются стандартная инструкция и перечень вопросов в табличной форме. Инструкция не ограничивает время на обдумывание ответов, однако следует напомнить, что первый ответ, который приходит в голову – самый верный. Исследователь поясняет, что испытуемым предлагается ответить на вопросы, описав себя и свое поведение таким, каково оно есть на самом деле. Отвечать необходимо честно – это поможет глубже узнать себя. Следует напомнить, что не может быть принципиально «хороших» или «плохих»

ответов. Практика показывает, что на работу с опросником в среднем тратится 8–10 минут. Благодаря четко составленной инструкции испытуемые могут работать с опросником самостоятельно. Ключом для обработки результатов опросника является простой подсчет баллов по четным и нечетным пунктам опросника. Все четные пункты опросника «отвечают» за выраженность социальной роли жертвы, соответственно все нечетные – за выраженность игровой роли жертвы. Общее количество баллов, набранное испытуемым, характеризует общий уровень ролевой виктимности. Чем выше этот показатель, тем более выражена ролевая виктимность в поведении испытуемого.

Таким образом, опросник «Тип ролевой виктимности» предназначен для выявления предрасположенности индивида продуцировать тот или иной тип поведения жертвы, выражающийся социальной или

игровой роли жертвы. Он является инструментом для анализа, скорее, латентной виктимности, проявляющейся не только в трудных жизненных ситуациях, но и в повседневной жизни. Психологу, использующему опросник в своей профессиональной деятельности, следует помнить, что ролевая виктимность, проявляющаяся в игровой и социальной ролях жертвы, в своем содержании имеет и ряд ресурсных сторон (креативность, склонность к глубокой рефлексии, и т. п.). Более того, за каждой из виктимных ролей скрывается уникальная и своеобразная личность, с глубокими внутренними переживаниями, отражающимися в неповторимых общих схемах поведения, деятельности, в моделировании своей жизни в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер А. Комплекс неполноценности. Киев: Port-Royal, 1997. С. 57–62.
2. Андроникова О. О. Методика исследования склонности к виктимному поведению [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://spsi.narod.ru/5.htm>
3. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: ЭКСМО, 2008. 576 с.
4. Бойко В. В. Социально защищенные и незащищенные семьи в изменяющейся России. СПб.: Сударья, 1999. 236 с.
5. Водопьянова Н.Е. Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
6. Выготский Л.С. Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003. 654 с.
7. Ключников С.В. Социально-незащищенные дети, их проблемы и будущее. Великий Новгород, 2002. 36 с.
8. Козырев Г.И. «Жертва» как феномен социально-политического конфликта (теоретико-методологический анализ). Автореф. дис. ... доктора. социол. наук. М.: РХТУ, 2008. 41 с.
9. Конечный Р., Боухал М. Психология в медицине. Прага, 1983. 406 с.
10. Крепелин Э. Введение в психиатрическую клинику. М.: БИНОМ, 2007. 493 с.
11. Крюкова Т.Л. Методология исследования и адаптация опросника диагностики совладающего (копинг) поведения // Психологическая диагностика. 2005. № 2. С. 65–75.
12. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
13. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). М.: Смысл, 2000. 18 с.
14. Мудрик А. В. Социальная педагогика. М.: Академия, 2000. 200 с.
15. Мудрик А. В. Человек – объект, субъект и жертва социализации // Известия РАО. 2008. №8. С. 48–57.
16. Одинцова М. А. Образ мира у подростков из неполных семей // Вопросы психологии, 2011. № 2. С. 82–89.
17. Павлов И. И. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001. 448 с.
18. Платонов Ю. П. Социальная психология поведения: учебное пособие. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
19. Ривман В. Д. Криминальная виктимология. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
20. Руденский Е. В. Культурогенетическая концепция социально-педагогической виктимологии личности подростка. Новосибирск: НГПУ, 2000. 160 с.
21. Серегина А. А. Проблема социально-психологической незрелости молодежи // Ученые записки РГСУ. М., 2006. № 2. С. 96–99.
22. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
23. Фурманов И. А. Виктимизация школьников со стороны одноклассников, как индикатор социально-психологической дезадаптации // Адаптация личности в современном мире / Под ред. М. В. Григорьевой, и др. Саратов: Научная книга. 2011. Вып. 4. С. 95–106.
24. Циринг Д. А. Выученная беспомощность и жизненные события // Вестн. Ин-та психологии и педагогики. 2003. Вып. 1. С. 155–159.
25. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1994. С. 293–316.
26. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. 527 с.